

К. СЕРЕБРЯКОВ

СИБИРЬ: ПРАЗДНИК ЦВЕТОВ

Сад тянется по крутому берегу Оби. И если не видеть эту широкую, задумчиво-спокойную реку, никак не скажешь, что ты в Сибири: такие мягкие, теплые краски вокруг, такой терпкий, словно южный, аромат растений в воздухе. Яблони, осыпанные розовыми, белыми, желтыми плодами, шпалеры винограда и обилие прохладных, будто подернутых изморозью, душистых ягод. И тут же буйно плодоносящая, скромная облепиха. Кажется, что кто-то нанизал на ветви этого неприхотливого сибирского деревца связки коралловых бус. Ягоды сидят так близко друг к другу, что не видно листвы облепихи. И цветы, цветы... Аллеи маньчжурского ореха, множество декоративных кустов. Ну как поверить, что все это на суровой алтайской земле и что всего-то десять лет назад здесь ничего не было: ни яблонь, ни, тем более, винограда, ни цветов, что гордо поднимаются с бесчисленных клумб. Был пустырь.

По саду, не торопясь, ходит немолодой уже человек, с простым и ясным лицом, с чуть прищуренными веселыми глазами. Это исконный сибиряк — один из замечательных людей нашего времени, знаменитый сибирский мичуринец, человек, отдавший всю свою жизнь тому, чтобы плодоносили в любых условиях яблони и груши, чтобы люди выводили цветы, украшающие жизнь.

С Михаилом Афанасьевичем Лисавенко мы присели в беседке. Внизу медленно катила свои волны река, а на

том берегу, в близине неба терялись необозримые просторы — зеленая полоса леса, желтые поля скошенного хлеба, снова лес, но уже голубеющий... С лукавой улыбкой вспоминал Михаил Афанасьевич о том, что произошло с ним в некогда захолустном городке Ачинске Енисейской губернии.

Беден был городок. Пустыми и голыми представлялись человеческому глазу его кривые немощные улочки. Скучно жили люди: ни деревьев, ни цветов. Известное дело — Сибирь! Где же тут цветы разводить, к чему?

А там, в Европейской части России, уже проводил свои опыты Иван Владимирович Мичурин. Его интересовали и восточные земли страны. Он выводил зимостойкие сорта — Таежное, Ермак — яблони, одно имя которых говорило о том, что им не суждено бояться опустошающих морозов, стремительных ветров.

Почти в те же времена сибирский садовод Алексей Иванович Олониченко приехал из Красноярска в Москву и в садовом заведении доктора Грелля, что находилось на Воробьевых горах, отобрал черенки необыкновенной яблони, прозванной Непобедимой за то, что она одна выдержала самые крепкие московские морозы. Укутал Олониченко черенки в рогожу и тронулся в далекий обратный путь.

И вот в Ачинске появился садик. Первый садик с сибирскими яблонями Таежная, Ермак, Непобедимая, которые за получил молодой садовод Михаил Лисавенко. Он любовно ухаживал за деревцами, оберегая их от мороза, воспитывал, как живые существа. Пришла одна из весен, и деревья покрылись цветами. Потом цветы опали, появились маленькие твердые завязи — будущие яблоки. В те ночи, когда наливались, зрели плоды, садовод переносил в садик свою постель и спал неподалеку от яблонь, просыпаясь в тревоге, если слишком резкими были порывы ночного ветра.

Наконец, плоды созрели. Это был незабываемый день. Плоды были мелкие, кислые. Но это были первые яблоки в краю морозов и снежных бурь!

Лицо Михаила Афанасьевича светлеет, когда он вспоминает об этих маленьких плодах.

— Понимаете, — говорит он задумчиво, — такую радость я почувствовал, такие силы во мне взыграли... Ведь яблони в Ачинске — это целая революция... И вот

Михаил Афанасьевич Лисавенко.

Фото А. Сухомлинова.

тут-то произошел удивительный курьез. Среди многочисленных посетителей, приходивших в мой садик, единственный не только в Ачинске, но и во всей округе, оказался один восторженный журналист. Он написал в местную газету статью о моих яблоках. Редактор газеты начертал на статье гневную резолюцию: «Яблоки в Сибири расти не могут». Рукопись моего незадачливого популяризатора была брошена в корзину. Да, велико было в то время неверие в сибирские сады, а сейчас на бескрайних просторах Сибири и Дальнего Востока растут и плодоносят колхозные и совхозные сады. И вы знаете, в тяжелые годы наши сибирские сады стали как бы символом веры людей в нашу победу, в будущее нашей Родины. Вот хотя бы история сада Василия Кондратюка.

Я знаю, о чем вспоминает Михаил Афанасьевич. То было осенью 1941 года, когда вражеские полчища занимали русские города, подходили к Москве... И вот трудной, полной горечи, осенью колхозник Василий Кондратюк посадил первые гектары колхозного сада. Он сказал тогда, обращаясь к молодежи — юношам и девушкам, своим помощникам:

— Наш колхоз носит имя Ивана Владимировича Мичурина. Иван Владимирович верил в возможность сибирского садоводства. И мы посадим с вами сад, посадим его сейчас, в войну, чтобы после победы он расцвел, радостно зашелестел листвою...

— Замечательный сад, — говорит Михаил Афанасьевич. — После войны он плодоносил уже на семнадцати гектарах. Я недавно был у Василия Степановича. Мне показали семилетний план колхоза. За эти годы сад раскинется на пятистах гектарах.

Михаил Афанасьевич знает, как свои пять пальцев, все сады Сибири. Ежедневно он получает множество писем со всех сторон. Садоводы советуются с ним, приглашают приехать взглянуть на новые сады, просят семена и посылают в обмен свои. Алтайская плодово-ягодная опытная станция, которой руководит Михаил Афанасьевич Лисавенко, академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, не только выводит новые сорта и рекомендует их, но и снабжает совхозы, колхозы, любителей-садоводов саженцами новых и старых сортов. И здесь нужно заметить одну очень важную особенность алтайской плодово-

ягодной станции. Ее деятельность неразрывна с производственной, точнее — близка к производственным масштабам.

— Мы не имели бы такой тесной связи с садоводами, — продолжает Михаил Афанасьевич, — если бы не могли снабжать их всем тем, что испытываем, выводим и рекомендуем. Беспочвенна была бы наша агитация, если бы мы показывали эти сорта на картинках да на одиноких деревьях и кустах.

Алтайская опытная станция и ее опорные пункты имеют свои питомники, которые ежегодно выпускают сотни тысяч саженцев. Их требуют садоводы не только Сибири, но и Москвы, Ленинграда, Прибалтики и других городов и областей.

Мы снова идем по саду.

— А не поглядеть ли нам виноградник, — говорит Михаил Афанасьевич. — Занимается им у нас Михаил Ильич Семенов, уроженец Молдавии.

— Значит, потомственный виноградарь?

Михаил Афанасьевич промолчал.

У виноградника нам повстречался смуглый сухощавый человек средних лет. Жаркое молдавское солнце, казалось, и сейчас пылало на его лице. Но оказался он совсем не потомственным виноградарем. Это Михаил Афанасьевич возбудил в нем неистребимое увлечение виноградом. Семенов пас скот неподалеку от Барнаула. И вот однажды Михаил Афанасьевич предложил ему заняться виноградом. Взялся. Ну, а теперь Михаил Ильич — превосходный специалист. Двадцать сортов винограда вызревает на опытной станции. Очень хороший способ зимнего укрытия виноградных лоз применяется здесь. Сначала хвоей закутывают лозу, а сверху засыпают землей. Создается воздушная прослойка, а главное, грибки не заводятся, не гниет лоза — ведь хвоя обильно пропитана смолой. Откапывают по весне лозу, а она совсем как осенью свежая.

Михаил Ильич аккуратно срезает огромную гроздь сверкающего винограда и протягивает мне:

— Отведайте, это наш таежный Изумруд. Не такой, конечно, сладкий, как у вас, в Армении, но придет время, и мы сумеем напоить его солнцем.

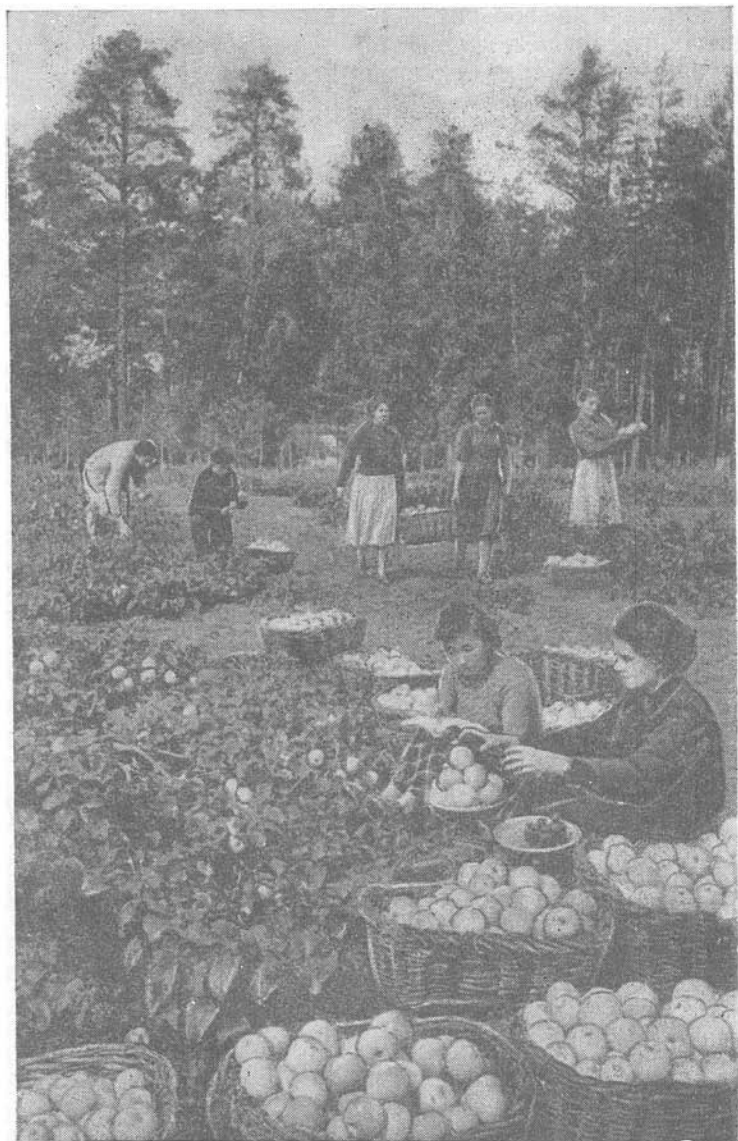
Душой сибирского садоводства, если так можно выразиться, духовным отцом многочисленных сортов

фруктов, винограда, ягод является Михаил Афанасьевич. Сила его в том, что он работает не один, что к своему благородному делу он привлекает множество людей. И сбываются мудрые слова Мичурина: «...развитие сибирского садоводства все же не под силу одиночкам, хотя и талантливым. Это дело может восторжествовать только тогда, когда к нему будут привлечены массы».

— Мы живем в хорошие дни, — говорит Михаил Афанасьевич. — Целину освоили, народ зажил богато. И вот старожил и новосел — все теперь горят желанием вырастить сад. А ведь есть такая добрая старинная русская примета: коли посадит человек дерево, то уже не захочет покинуть ту землю, на которой это дерево растет. Когда я беседую с молодежью, всегда им говорю: «Мы не просто деревья и цветы растим, мы красоту для людей выращиваем. Помните об этом, дорогие друзья».

Как много может сделать любовь человека к красоте. Именно эта горячая, неизбывная любовь к прекрасному побудила людей в шестидесяти километрах от вечно покрытой льдом горы Белухи разбить чудесный плодоносящий сад на земле, где всего девяносто безморозных дней в году. Это же чувство обуревало наблюдателя метеорологической станции Николая Павловича Смирнова, когда он разогревал огромные камни, заливал их водой, заставляя раскалываться на мелкие куски. Он возил издалека землю, бревнами подпирал ее, чтобы не осыпалась по крутому склону — так в течение нескольких лет. И, наконец, на отнятой у скалы площади, на берегу Телецкого озера, высадил яблони и даже вывел свои зимостойкие сорта. В прошлом году Николай Павлович передал свой сад метеостанции. А старушка Клавдия Ивановна Троицкая?! Разве не подвиг она совершила, разбив колхозный сад в краю суровейшего климата — Уймонской долине?

Михаил Афанасьевич подводит меня к небольшой яблоне, густо усеянной румяными плодами, и рассказывает «родословную» этого деревца, рассказывает о том, как он и его сотрудники выходили яблоню и получили вот этот на редкость ароматный, сочный и сладкий сорт яблок. И когда он срывает румяный плод, то яблоко перестает быть просто яблоком, оно становится тем великолепным результатом поисков, труда, которые облагораживают человека и приносят ему величайшую радость.

Сбор яблок стланцевых сортов на Алтайской плодово-ягодной опытной станции.

Фото Н. Калинина.

А «голубые огоньки» — нежные на гибких стеблях цветы, что приютились нынче в тени могучих кедров на опушке сада. Долго искал их Михаил Афанасьевич в далеких высотах Горного Алтая, потому что растут они у суровых ледников и расцветают, загораются голубым огоньком лишь на несколько дней, когда по весне подтаивает лед.

Прощаясь, Михаил Афанасьевич настоятельно советует:

— Съездите-ка вы в Горно-Алтайск. Там было основано первое на Алтае научно-исследовательское учреждение по садоводству. Работает там у нас энтузиаст-директор Барабаш.

В Горно-Алтайске я побывал в необычные дни. Вернее, они показались мне необычными, ибо тут проходил праздник цветов. А в Горно-Алтайске этот августовский праздник стал традицией: к нему готовятся, его ждут, его проводят взволнованно и ярко. Именно ярко, потому что вдоль улиц, площадей, скверов идут люди с огромными букетами цветов в руках. К розам, георгинам, тюльпанам, гладиолусам здесь относятся с трогательной любовью, устраивают в их честь сверкающий красками праздник. Участники цветочных профессий — и старики, и школьники, и девушки, и пожилые женщины. Городской сад — просторное вместилище всяческих цветов, где в уютных уголках растут березки и сосны, посаженные руками горожан на бывшем захламенном месте, — приветливо встречает веселое праздничное шествие.

Каждый букет — это лучшее, что вырастили в своем саду, на подоконнике, на балконе работницы текстильной фабрики, учительница, столяр, школьницы Горно-Алтайска. Заседает строгое жюри. Оно непреклонно и справедливо. Разбираются стати каждого цветка, каждого букета. Нужно не упустить ни одной мелочи: тут все специалисты. Вот в этом году лучшими цветоводами признаны одна из старейших жительниц городка, заслуженный врач республики Тамара Петровна Сазыкина и одна из самых юных — школьница Инна Герасименко.

Взволнованные, смущенные, они держат в руках цветы. Их сразу окружают любопытные: а чем удобряли землю, а где взяли семена? Секретов тут не таят, тут нет «соперничества»: ведь цветы — это общая радость,

они принадлежат всем. Обо всем рассказывается подробно и ясно. А семена заранее приготовлены для желающих и в сумочке врача и в кармашке нарядного передничка школьницы. Вот они! Берите, пожалуйста! Сажайте! Любуйтесь!

Я гляжу на всех этих людей, у которых сегодня хороший, светлый день, и вспоминаю праздник цветов, который проводился в Стамбуле в те дни, когда мне довелось побывать там.

...Мальчики и девочки, вытягиваясь на носках, прикалывали к лацканам взрослых раскрашенные бумажные ромашки и молча подставляли поднос. Одни делали вид, что не замечают подноса, другие же бросали в него мелкую монету. Вечером началось торжественное шествие. Застолорилось движение, засуетились полицейские. Под охраной двух военных медленно двигался джип, в котором восседала молодая женщина с букетом цветов, и тоже в военной форме. Позади — снова джип, и в нем четыре девушки, увенчанные венками из роз. И снова машина. Машина с детьми. Одни тревожно бьют в барабан, другие, до красноты надувая щеки, во всю мочь дуют в фанфары.

Юность и цветы, прохладные, как воды Босфора, и нежные, как утренние облака. Цветы Босфора и военные машины. Я спросил у старого стамбульца, что означает это. Он вздохнул:

— Да, никогда раньше не бывал таким мрачным светлый праздник цветов.

И вот цветы Горно-Алтайска, бывшего забитого села Улала, где хозяйничали миссионеры, вбивая в головы людям принципы смирения, покорности, терпения. Терпения, чтобы вынести голод и нужду, вековую грязь и темноту. Цветы! Разве помышляла о них погруженная в мрак Улала?

Новый бурно растущий Горно-Алтайск — столица автономной области. Цветы на улицах, цветы в скверах, палисадниках, у туго сбитых из гладко тесанных бревен домов, с искусными резными наличниками на окнах. Ранним утром взрослые и малыши высыпают на улицы, чтобы напоить растения водой, подрыхлить землю. А в зимние дни цветы Горно-Алтайска всем своим живым великолепием глядят на улицу сквозь заиндевевшие окна домов.

Эти цветы — праправнуки тех, что двадцать пять лет

назад посадил на месте городской свалки Михаил Афанасьевич Лисавенко. Сейчас тут Горно-Алтайский опорный пункт плодоводства. И работают в нем ученики Лисавенко — такие же, как он, взволнованные, ищущие люди. Это они организуют праздники цветов, они распространяют цветы в колхозах, совхозах, среди населения.

Теодор Петрович Барабаш говорит о Лисавенко с такой нежностью и почтительностью, как обычно говорят сыновья об отцах.

— Когда к нам приезжает Михаил Афанасьевич, — волнуемся, — признается директор опорного пункта. — Водим его по саду, знаем, что все, кажется, делаем так, как он учит, а все же беспокоимся: вдруг недоглядели чего-то, не продумали до конца. Он каждое деревцо здесь знает, сам ведь когда-то заложил этот сад. Родной он ему. Да только вот есть у нас с ним одна общая недоделка.

И Теодор Петрович указывает вперед, туда, где высятся склоны гор.

— Посмотрите, какие голые, — с досадой говорит Барабаш, — какие склоны пропадают. У нас не должно быть голых гор. Так всегда говорит Лисавенко, и мы за это болеем. Ведь насадили же мы на этой горе такой сад. А почему же туда не перекинуться?

Я смотрю на окружающие склоны гор, щедро покрытые плодовыми деревьями. Первая яблонька, некогда посаженная Лисавенко, принесла с собой и груши, и сливы, и множество разных ягод. Поселились навсегда плодовые деревья и цветы и в Горно-Алтайске, и в Бийске, и в Барнауле, и в Рубцовске. Они зацвели и в Кулундинской целинной степи и украсили человеку жизнь.

Но людям этого мало.

— Вон еще голые склоны гор, а вон еще, — указывает Барабаш. — Но мы разведем на них сады, замечательные сады. Очень скоро!

Да, это так и будет. Цвести садам в суровом краю, потому что этого хотят настойчивые люди, потому что они хотят сделать жизнь красивой, наполненной яркими цветами и сочными плодами. Они хотят, чтобы праздники цветов, праздники красоты радовали всех людей.